

Георгий Коларов (Болгария)

Чилийские коммунисты до и после военного переворота 1973 г.

В статье анализируются взгляды и деятельность руководителей Коммунистической партии Чили в свете важнейших исторических событий: переворота А.Пиночета и перестройки М.С.Горбачева.

Ключевые слова: коммунистическая партия, революция, борьба, демократия, единый фронт.

Больше 100 лет прошло с того момента, как социалистические идеи в Чили были взяты на вооружение политическими силами и стали отражаться в их программах и конкретных задачах. Идеология социализма прошла нелегкий путь в стране, считающейся сегодня оазисом неолиберализма¹ в переживающей «левый поворот» Латинской Америке. С 2010 г. Чили руководит предприниматель-миллиардер Себастьян Пиньера, чей приход к власти прервал 20-летний период бессменного правления коалиции левоцентристских сил «Объединение партий за демократию» (Concertación de Partidos por la Democracia, Concertación) и заставил задуматься над вопросом: неужели социализм больше не востребован в чилийском обществе? Ответ на этот вопрос дали студенты, поднявшие в 2011 г. настоящее восстание под знаменами социализма и потребовавшие от правительства бесплатного и качественного образования, и их требования нашли поддержку в обществе. Для понимания этой непростой ситуации полезным, на наш взгляд, будет кратко напомнить историю Коммунистической партии Чили (Partido Comunista de Chile, PCCh).

PCCh появилась на политической арене в 1920 г. в результате трансформации и переименования основанной в 1912 г. Социалистической рабочей партии (Partido Obrero Socialista, POS). Это преобразование произошло под воздействием Октябрьской революции 1917 г. в России. Основателем, идеологом и руководителем PCCh стал один из первых ленинцев в Латин-

Георгий Коларов — кандидат политических наук, докторант РУДН (gikolarov@abv.bg).

ской Америке Луис Эмилио Рекабаррен. Во время Второй мировой войны связи между социалистами и коммунистами заметно укрепились, в результате последние вошли в коалиционное антифашистское правительство 1946—1947 гг., однако позже они были отстранены от власти, а РССч запрещена.

После X съезда 1956 г. РССч взяла на вооружение тактику единого фронта. В отличие от других латиноамериканских стран в Чили существовало единство между социалистами и коммунистами, и логическим продолжением их сотрудничества стало образование в 1969 г. предвыборной коалиции «Народное единство» (Unidad Popular, UP), которая победила на президентских выборах 1970 г. и привела к власти Сальвадора Альенде. Президентский пост могла выиграть и РССч, но ее кандидат Пабло Неруда в последний момент отказался от участия в выборах в пользу С.Альенде. В UP, кроме РССч, входили Социалистическая партия (Partido Socialista, PS), Социал-демократическая партия (Partido Social Demócrata, PSD), Радикальная партия (Partido Radical, PR) и ряд организаций меньшего масштаба, независимые левые интеллектуалы, священники, военные, служащие полиции и органов безопасности.

В то время руководство РССч не признавало насильственных форм политической борьбы. Коммунисты также не верили в то, что после взятия власти мирным путем им придется защищать ее с оружием в руках. Эта наивность позже обошлась им очень дорого. Союз с социалистами позволял РССч, по мнению генерального секретаря партии Луиса Корвалана, вести революционную борьбу на всех фронтах²: сражаться за коммунистические идеалы в парламенте, национализировать медные шахты без выплаты компенсаций североамериканским капиталистам и т.п.³.

Корвалан возлагал большие надежды на трудящихся и в целом на пролетариат в деле управления экономикой и социальной сферой, а также в осуществлении аграрной реформы в пользу бедных крестьян. Согласие между UP и профсоюзными лидерами сделало возможным «переход к социализму в рамках Конституции»⁴. Главным условием успешного выполнения этой задачи Корвалан считал партийную дисциплину, которую противопоставлял анархическим взглядам Левого революционного движения (Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR). Хотя в теории руководства РССч и MIR исходили из одних и тех же базовых принципов, коммунисты придерживались более прагматичного подхода, что позволило им создать широкую коалицию с другими партиями, достичь согласия на основе плюрализма и компромиссов.

Военный переворот 1973 г., возглавленный Аугусто Пиночетом, поставил точку на этом социально-политическом эксперименте и в очередной раз доказал, что успех социалистической революции невозможен без ее вооруженной защиты. Сразу после переворота PS разделилась на семь фракций, а организационная структура РССч еще долгое время оставалась без изменений. Стало очевидным, что у коммунистов единство отвечало самой сути ленинской идеологии. Спустя четыре месяца после падения правительства Альенде, руководство РССч заявило, что партия «не пойдет по пути авантюризма и терроризма»⁵. Коммунисты все еще были убеждены в том, что, когда политическая борьба носит мирный характер, это легити-

мизирует революционную власть в глазах средних слоев общества и способствует революционным преобразованиям⁶.

Лидеры РССч отдавали себе отчет в том, что военному поражению предшествовало поражение политическое⁷, и причиной тому была изоляция рабочего класса⁸, давшая силам империализма и внешней реакции возможность создать широкий фронт против народного правительства⁹. Коммунисты осознавали необходимость создания единого антифашистского фронта, в котором бы нашлось место всем социальным классам и слоям из народа¹⁰ и целями которого были бы свержение диктатуры, искоренение фашизма, завоевание демократии и возвращение на путь столь нужных стране революционных изменений¹¹. При этом, по замыслу коммунистов, во фронт должны были войти организации, не входившие ранее в УР, а гегемония в борьбе против диктатуры должна была принадлежать рабочему классу.

Руководство РССч предложило программу демократического государственного устройства, основными положениями которой были: восстановление независимости судебной власти; создание новых, лояльных народу, вооруженных сил; наказание всех виновных за преступления диктатуры; достижение легитимности власти; развитие образования и культуры¹².

Переломным моментом в деятельности РССч стал прошедший в Мексике в августе 1977 г. пленум ЦК. На нем Корвалан признал, что, несмотря на приход к власти УР в 1970 г., «рабочий класс и другие движущие силы революции не завоевали власть полностью»¹³, что наравне с недостаточным давлением народа на олигархию создало благоприятную почву для военного переворота. Отсутствие ограничений на пропаганду против социалистических идеалов и деятельности УР Корвалан охарактеризовал как «принципиальную ошибку» правительства Альенде. Политик отметил, что «революционная решительность» — необходимое условие успеха любой революции¹⁴.

Радикализация коммунистов нашла отражение и в других высказываниях. Тогдашняя руководительница чилийского комсомола, а позже председатель РССч Гладис Марин обличала террористическую диктатуру «контрреволюционной группировки финансового капитала» и «фашистского правительства»¹⁵ и призывала уничтожить врага¹⁶. Сделать это, по ее мнению, могла только сильная коммунистическая партия¹⁷.

Министр финансов в правительстве С.Альенде Орландо Мильяс приветствовал сближение УР с MIR, надеясь на их плотную совместную работу. Соратник Альенде по УР Хорхе Инсунса подчеркивал первостепенную важность наличия в партии собственных вооруженных сил, которые действовали бы в соответствии с политической ситуацией и без которых свержение диктатуры было невозможным¹⁸.

Член РССч Луис Гуаставино считал, что благоприятным для успеха военного переворота обстоятельством стало расхождение между правительством и средними слоями общества во время правления УР. Он утверждал, что левые в Чили потерпели политическое поражение в результате проявлений сектантства в рядах различных сил коммунистического толка¹⁹. Избежать поражения, по его мнению, можно было только путем объединения левых партий, противников диктатуры и эксплуатируемых слоев общества.

Коммунисты полагали, что для выполнения социалистических и революционно-демократических задач процесс реформ должен был носить последовательный характер и проходить одновременно по всем направлени-

ям: в экономике и политике, в социальной и военной сферах, в культуре — только так можно было избежать попыток реставрации.

В сентябре 1980 г. РССч начала готовить вооруженное восстание. Это решение было принято без консультаций с союзниками: «единство будет достигнуто в борьбе, а не до нее»²⁰. В партийном манифесте сентября 1981 г. говорилось, что выход из ситуации только один: народный бунт²¹, и что главное условие освобождения — объединение всего народа для борьбы²².

В манифесте предлагалось всем оппозиционным силам, включая MIR, объединиться для борьбы против диктатуры, а затем, после свержения режима Пиночета, — для формирования правительства народного единства. Главное — убедить народ в том, что конец диктатуре нужно положить силовым путем, осуществляя насильственные политические акции, ведь бунт — не только форма политической борьбы, но и «моральный долг»²³. В декларации, принятой в 1981 г. в Мексике, РССч и другие левые партии признают право народа на сопротивление диктатуре и восстановление демократии в Чили с помощью силы.

Тем не менее вскоре в рядах UP стали проявляться центробежные тенденции. Среди чилийских левых началась перегруппировка. Руководство РССч во главе с Корваланом прилагало огромные усилия, чтобы остановить или хотя бы замедлить этот процесс, но он был объективен: страна переживала экономический подъем, что вызывало у многих левых лидеров сомнения относительно целесообразности силовой борьбы против диктатуры. Многие коммунисты уехали из Чили в Европу или демократические страны Латинской Америки. Эмигрантам было непросто освоиться на чужой земле, большая их часть в попытках адаптироваться к новым условиям жизни практически утратила связь с родиной. Если кто-то и смог найти себя в идеологической работе и пропаганде среди местного населения, то возможности помогать борьбе в Чили у них не было.

Кадровые потери и противоречия в рядах UP существенно ослабляли РССч. Партия пошла на сближение с MIR. Корвалан признавал, что высоко оценивает вклад движения в борьбу против Пиночета²⁴. В 1986 г. коммунисты создали вооруженную организацию — Патриотический фронт им. Мануэля Родригеса (Frente Patriótico Manuel Rodríguez, FPMR), члены которого в сентябре 1986 г. совершили покушение на диктатора. В конце 80-х годов в FPMR произошел раскол: часть его членов видели смысл лишь в вооруженной борьбе, другие же полагали, что стратегия, основанная исключительно на силовых методах, отталкивает народ от активного сопротивления диктатуре.

РССч также не избежала разногласий относительно форм сопротивления. Пока представитель умеренного крыла Л. Гуаставино утверждал, что акции гражданского неповиновения способны дестабилизировать ситуацию в стране и привести к падению режима Пиночета²⁵, лидер экстремистов Х. Инсунса призывал бойкотировать плебисцит 1988 г., не веря в то, что в случае поражения диктатор будет отстранен от власти. Тем не менее именно этот референдум положил конец диктатуре, хотя Пиночет продержался у власти еще год после поражения. В результате триумфа оппозиции соотношение сил внутри РССч коренным образом изменилось. В мае 1989 г., впервые за 20 лет, прошел съезд партии, на котором генеральным секретарем вместо Корвалана был избран Володя Тейтельбойм. Во главе с ним умеренные представители РССч заняли доминирующие позиции в партии.

Основными задачами участников съезда было определить место партии в противоречивом процессе, ведущем страну к демократии, и адаптировать РСCh к изменившимся политическим условиям. На пятом пленуме ЦК партии в ноябре 1989 г. коммунисты призвали сторонников голосовать на президентских выборах 1989 г. за кандидата от оппозиции Патрисио Эйльвина и поддержать требование об отставке Пиночета с поста главнокомандующего вооруженных сил после передачи власти.

Вместе с тем радикалы в РСCh не признавали новой партийной линии и не смягчали своих позиций. Корвалан в октябре 1989 г. оправдывал существование военизированных группировок. Он утверждал, что для радикального изменения политической ситуации в стране все средства были хороши и что возможные теракты будут направлены не против народа, а против армейской верхушки. Его поддержали представители ультралевых: социалисты под руководством Клодомиро Алмейды, MIR, FPMR и вооруженное Движение унитарного народного действия «Лаутаро» (Movimiento de Acción Popular Unitaria, MAPU — Lautaro).

Лидеры ультралевых сил осознавали, что их единственный шанс принять участие в грядущих выборах — объединиться. Так появилась Широкая партия левых социалистов (Partido Amplio de Izquierda Socialista, PAIS), которая за короткое время заручилась поддержкой десятков тысяч избирателей. Тем не менее PAIS не нашла общего языка со всеми силами, противостоящими режиму Пиночета, и не приобрела нужного для победы влияния среди рабочих, крестьян и маргинальных слоев, т.е. традиционных сторонников левых сил. После закономерного поражения на выборах с 22% голосов PAIS распалась. Социалисты Алмейды объединились с единомышленниками, возглавляемыми Рикардо Лагосом, а коммунисты установили тесные связи с MIR. Соперничество между «традиционалистами» и «экстремистами» внутри РСCh существенно обострилось: первые настаивали на демократических методах борьбы, вторые — на насильственных.

После попытки государственного переворота в Москве в 1991 г. экстремисты внутри РСCh снова захватили руководство партией. Коммунисты, объединившиеся вокруг Тейтельбойма, утратили политическую самостоятельность и отступили под нажимом ультралевых, ведомых Г.Марин. Сам Тейтельбойм обвинил Горбачева в крупнейшем политическом провале XX в., а несогласные с этой позицией были исключены из партии.

Оценку состоянию чилийских левых в свете этих событий дал Л.Гуаставино: «На данном этапе левое движение слабо в организационном отношении, раздроблено политически и лишено стабильной теории. Нужно избавиться от псевдореволюционности, старых и неэффективных методов, обратить внимание на реальность. В большинстве стран континента правительства избираются при участии народа»²⁶.

Сегодня РСCh — маргинальная партия, практически не оказывающая влияния на политическую жизнь в стране. Ее самым высокопоставленным в государственной иерархии представителем до 2004 г. был мэр г. Ла-Лигуа Рауль Санчес. В многочисленных беседах с автором этих строк Р.Санчес признавал: на протяжении истории главной проблемой чилийских коммунистов была готовность «раскрывать зонты, когда в Москве идет дождь», т.е. действовать с оглядкой на КПСС, нередко в ущерб адекватному восприятию чилийской действительности.

А теперь о личном на ту же тему.

Читая воспоминания Игоря Евгеньевича Рыбалкина, невольно задумался о том, как на самом деле это было давно: прошло уже 40 лет со времени переворота, который спровоцировал массовую эмиграцию чилийских коммунистов и других левых в бывшие социалистические страны, в том числе и на мою Родину — тогдашнюю Народную Республику Болгарию (сейчас ее смело можно назвать антинародной, в которой люди публично поджигают себя на площадях из-за отчаяния, что не могут согреть и прокормить своих детей и в знак протеста против преступного правления на протяжении четверти века). Судьба распорядилась так, что я, когда мне только исполнился 21 год, начал опекать чилийских студентов — сначала в Софийском университете «Святой Климент Охридский», а потом и в вузах всей страны.

В качестве заведующего сектором латиноамериканских студентов в Центральном комитете Димитровского коммунистического молодежного союза (комсомола) я стал всей душой работать на социалистическую революцию на «пылающем континенте» (по выражению Романа Кармена). Это вызывало дружное непонимание и даже усмешки со стороны начальства. Но мне было непонятно, как эти люди могли не разделять моих взглядов. Все выяснилось с наступлением демократии: один из них стал эмиссаром Всемирного банка в Болгарии и участвовал в экономическом порабощении моей Родины, другой — журналистом в порногазете! Накануне падения Тодора Живкова они оба получили чемоданчики с купюрами, чтобы их приумножать.

А я был счастлив, что именно среди чилийских коммунистов нашел единомышленников: мои сверстники мне импонировали, а их родители были похожи на моих. И у тех, и у других был боевой опыт нелегальной работы под угрозой смерти. Это прежде всего касается многодетной семьи Рауля Санчеса. У него было трое дочерей и двое сыновей. Сыновья были намного старше, быстро нашли себе в студенческом городке в Софии мулаток из Панамы и зажили семейной жизнью.

Дочери тоже долго не остались барышнями, однако продолжали держаться ближе к родителям и к чилийской иммигрантской общине. Старшая — Доррис вместе с мужем — одна из первых, кто вернулся в Сантьяго, чтобы на месте работать на свержение диктатуры Пиночета. Потом, после наступления демократии она развелась только потому, что муж позволил себе один раз на выборах проголосовать за социалистов, а не за коммунистов, и имел смелость сказать ей об этом. А в семье Рауля Санчеса это считалось намного хуже супружеской измены.

Младшая дочь — Валентина — так и осталась моей неразделенной любовью. Она вышла замуж за чилийца Луиса Фуйка, семья которого после переворота обосновалась в Норвегии. У них было социальное пособие, и они считались богатыми по сравнению с болгарскими семьями. Он и его брат Эдуардо приехали учиться в Болгарию. Пока Валя и Лучо растили прекрасную доченьку Наталью, мы с Эдуардо изрядно выпивали. Он был постарше нас, и его организм уже не мог выдерживать больших доз спиртного. После бутылки ракии (болгарской фруктовой водки) он всем угрожал, требовал, чтобы никто не трогал его невестку Валентину, а то у него есть боевой опыт... Такой опыт на самом деле был: Эдуардо участвовал в неудачной попытке контрпереворота во главе с генералом Карлосом Прат-

сом. Его арестовали, и на допросе применили пытки пиночетовских карателей — поднесли к гениталиям обнаженные электроды. Эдуардо был умным человеком и понимал, кто на самом деле его друг, а кто просто хочет выпить за его счет. Поэтому он охотно и подробно отвечал на все мои вопросы, связанные с деятельностью правительства Альенде и сопротивлением против диктатуры Пиночета. Я совсем не боялся его угроз, но так и не отважился признаться Валентине в любви, потому что никак не предполагал, что в ее жизни вовсе нет семейной идиллии, как казалось со стороны. После падения Пиночета она уехала в Норвегию, и мы больше не встречались.

Средняя дочь Санчеса Вильма и ее супруг никарагуанец Эрик стали моими лучшими друзьями. Их сыновья выросли на моих коленях. Они живут вместе в родном городке Ла-Лигуа, недалеко от Сантьяго. Вильма долгие годы кормила и поила меня во время многочисленных визитов к ним. С Эриком мы тоже много выпивали. И все это время обсуждали марксистско-ленинскую теорию и практику в Чили, Никарагуа и во всей Латинской Америке. У Эрика тоже был боевой опыт: совсем молодым он сражался в рядах сандинистов против диктатуры Сомосы. Именно боевые заслуги стали причиной его отправки на учебу в Болгарию. Он, в отличие от чилийцев, был реалистом и очень хорошо понимал перспективы политического развития и у себя на Родине, и у нас, и в Чили. Кстати, такими были почти все сандинисты. Наверное, поэтому еще держатся.

Когда Вильма с тремя сыновьями приехала в Болгарию (которую она ощущала своей Родиной в не меньшей степени, чем Чили) в августе 2002 г., — через два месяца после того, как я наконец-то женился, и через две недели после смерти моей мамы — она не узнавала страну! Побывала в Софии у давней подруги Ирины Московской, которая к этому времени совсем сошла с ума, наверное, от недоедания и невозможности растить дочь в нормальных условиях. Она все время кричала, что во всем виноваты русские и коммунисты и набрасывалась на меня из-за того, что я выбрал жизнь в Москве, а не остался в Болгарии.

Когда Вильма увидела, что в моем доме в Варне за 11 лет ее отсутствия не появилось ни одной новой тарелки или стакана, что стены за это время так и остались некрашеными, что старые советские электроприборы на кухне, радио, телевизор, магнитола уже вышли из строя, а новых нет, она стала водить нас по ресторанам и помогать моей молодой жене наводить в доме порядок. После возвращения в Чили Вильма рассказала все Эрику. Потом они написали мне длинное письмо, в котором признались, что ни они, ни дети больше в Болгарию не приедут, но нас приглашают в любое удобное нам время. А мы все никак не соберемся. Наверное, теперь после моей защиты. Я, по крайней мере, обязательно поеду!

У Р.Санчеса была замечательная супруга — донья Альба. Пока в молодости он был мэром родной Ла-Лигуа, а потом и депутатом парламента от Коммунистической партии Чили, она растила пятерых детей и занималась домом. Ей досталась нелегкая доля: дон Рауль был таким коммунистом-идеалистом, что, например, не разрешал покупать телевизор, потому что бедные чилийцы не могли себе это позволить, а он представляет их интересы в парламенте. Эмигрантские невзгоды, возвращение в Чили, семейные проблемы дочерей окончательно подкосили здоровье доньи Альбы —

Вильма Санчес и Уго Чавес

она скончалась вскоре после того, как семья собралась в Ла-Лигуа. Но эта трагедия не сломила дона Рауля. Он, хоть и наполовину ослеп, продолжал активно работать в рядах компартии и в один момент стал самым продвинутым ее представителем в государственной иерархии: будучи старым и больным вновь был выбран мэром родного города. Только в 2007 г., когда уже чисто физически он не мог выполнять свои функции, передал эстафету не кому-нибудь, а старшему сыну Родриго! Так что до переворота и после падения диктатуры управление Ла-Лигуа связано с фамилией Санчес. Именно дон Рауль в подробностях рассказывал мне историю компартии Чили или и дарил много книг. Благодаря этим книгам я написал и дипломную работу, и кандидатскую диссертацию, и монографию, которую скоро собираюсь защитить в качестве докторской диссертации.

Дон Рауль и донья Альба, в отличие от детей, так и не выучили болгарский язык, поскольку вращались либо в кругах чилийцев, других латиноамериканских и испанских эмигрантов, либо в среде испаноязычных болгар. А таких к этому времени у нас уже было немало: болгарских специалистов массово посылали на работу на Кубу и в Никарагуа. Лучшими друзьями четы Санчес и их детей стала семья Пановых — дядя Мирко Панов как раз руководил государственной организацией, которая посылала болгар за рубеж, и сам 11 лет прожил на Кубе. Нас с ним уволили в один и тот же день — 6 февраля 1998 г.: меня — из министерства обороны, его — с поста директора. Конечно, это было настоящее чудо, что мы оба целый год оставались на своих постах после государственного переворота 4 февраля 1997 г. в Болгарии. Однако этот год был наполнен тревогами, нервным напряжением, борьбой с захватившей власть бандой преступников. В результате Мирко вскоре скончался, а я оказался в Белокаменной, повторяя

судьбу Санчесов. Они, конечно, разговаривали со мной только по-испански, и благодаря им я все эти годы совершенствовал этот язык. Сейчас могу смело сказать, что лучшими подругами моей молодости остались Вильма и Мирослава — единственная дочь Пановых. Она вышла замуж в Испании и живет в Валенсии. Ее мать тетя Драга живет одна в Софии, и, когда я бываю там, встречает меня, как родного сына. Хотя Вильма — в Чили, Мирослава — в Испании, а я — в Москве, мы не перестаем общаться по Интернету. Для всех нас настоящим праздником, счастьем и источником вдохновения стала фотография, которая облетела весь мир: в Ла-Лигуа на трибуне перед микрофонами стоит Вильма в обнимку с самым Уго Чавесом. Она руководила городским митингом, проходившим по случаю его визита. Конечно, покойный великий команданте не зря включил в программу чилийского визита именно Ла-Лигуа: ведь там правит Санчес!

У Санчесов были и другие друзья в Болгарии. Это прежде всего семья известного болгарского журналиста и деятеля Болгарской социалистической партии (бывшей коммунистической), министра телекоммуникаций Любомира Коларова. Они бывали друг у друга в гостях, ходили на экскурсию на Витоше — эта гора, в предгорье которой кончается (или начинается) София. Л.Коларов объездил всю Латинскую Америку и снял там много документальных фильмов. Во время своего пребывания в Чили он сделал Санчесам самый дорогой подарок — побывал в Икике, в семье родного брата дона Рауля и запечатлел всю встречу. Потом показал это в самой известной тогда политической передаче в Болгарии — «Мир в действии». Вся страна узнала подробности биографии этой самой выдающейся семьи чилийских коммунистов. Я смотрел передачу, будучи в Варне. Потом не сразу дозвонился до Санчесов — их телефон в тот вечер на самом деле перегрелся. Друзей у них было много!

Однако нельзя сказать, что в руководстве болгарской компартии и государства было единодушие в отношении безвозмездной помощи чилийским и другим латиноамериканским эмигрантам. Латинская Америка и в географическом, и в цивилизационном плане слишком далеко от нашей страны, чтобы возбудить интерес общественности именно в то время, когда болгары были сосредоточены прежде всего на самих себе и на том, что происходило в странах социалистического содружества.

Бессменный тогда генеральный секретарь болгарской компартии Тодор Живков и его окружение (прежде всего секретарь ЦК по международным делам Димитр Станишев — отец сегодняшнего председателя социалистической партии Сергея Станишева) с наступлением «перестройки» старались устанавливать связи прежде всего с разными европейскими левоцентристскими и даже правыми партиями, чтобы быть независимыми от капризов М.С.Горбачева. Не зря одни из последних зарубежных визитов Т.Живкова были в Японию и Германию (союзные Болгарии страны времен Второй мировой войны), а у нас в разное время побывали Збигнев Бжезинский, Маргарет Тэтчер и Франц-Йозеф Штраус. Поэтому для болгарских «коммунистов» чилийские и другие латиноамериканские эмигранты-коммунисты стали обузой. Но избавиться от них было нельзя!

Сейчас чилийскими коммунистами в Болгарии интересуется только Партия болгарских коммунистов (ПБК). На страницах партийной газеты можно часто встретить исследования и воспоминания, посвященные этому

периоду. Руководители ПБК Минчо Минчев и Василь Коларов упорно и, к сожалению, пока неудачно стараются возобновить связь с РССЧ.

А к Игорю Евгеньевичу у меня возникли такие вопросы.

1. Он был в окружении главных политических актеров этой эпохи. Не почувствовал ли он двуличие с советской стороны в отношении сторонников чилийской попытки строительства социализма мирным путем?

2. Чилийцы в Болгарии очень критически относились к нашей действительности. Не относились ли они еще более критично к тому, что видели в СССР?

3. Игорь Евгеньевич знал самого Брежнева! Не считал ли последний невозможным реальное вмешательство в чилийские дела и реальную помощь чилийской мирной социалистической революции, которая так и не была оказана?

4. У советского государства еще тогда была четкая геостратегия. Считало ли советские руководители того периода возможным и целесообразным иметь союзника в конце «Южного Конуса», тем более его подкармливать?

Буду рад получить ответы Игоря Евгеньевича на страницах нашего любимого журнала «Латинская Америка», который я читаю с 1997 г.!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В последнем рейтинге экономической свободы фонда «Heritage» (США) Чили занимает первое место по Латинской Америке и седьмое — в мире по степени экономической свободы. См.: <http://www.heritage.org/index/>

² Р. А р и с м е н д и. Седми конгрес на Коминтерна и фашизмът в Латинска Америка днес. София, 1979, с. 25.

³ Там же, с. 55.

⁴ Там же, с. 83.

⁵ Desde Chile hablan los comunistas, 1976, p. 56.

⁶ Там же, с. 83.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 93.

⁹ Там же, с. 94.

¹⁰ Там же, с. 99.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 204.

¹³ El Pleno de Agosto de 1977 del Comité Central del Partido Comunista de Chile, 1978, p. 16.

¹⁴ Там же, с. 17.

¹⁵ Там же, с. 96.

¹⁶ Там же, с. 94.

¹⁷ Там же, с. 95.

¹⁸ Там же, с. 195.

¹⁹ Там же, с. 127.

²⁰ Проблемы на мира и социализма, 1982, № 4, с. 43.

²¹ P.C. de Chile: 1922—1982. Boletín del exterior, p. 43.

²² Там же, с. 16.

²³ Там же, с. 14.

²⁴ Там же, с. 71.

²⁵ Там же, с. 10.

²⁶ «По света». София, 1991, с. 25.